

С. Г. Савицкий

ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ КИЕВСКОЙ РУСИ: СВИДЕТЕЛЬСТВА ПАМЯТНИКОВ КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА

В статье на основании анализа материала памятников канонического права Древней Руси освещаются проблемы религиозной жизни русского Средневековья. Показано, что в период христианизации (транзитивного периода в религиозном развитии) Древней Руси наблюдается единство проблем, с которыми приходилось сталкиваться церковной иерархии. Церковь стремилась преобразовать нравственное состояние народа на новых высоких евангельских основаниях. Основной проблемой можно считать язычество, которое в течение столетий после официального Крещения Руси оставалось существенной составляющей народной религиозности. В канонических документах получили отражение такие проблемы, как симония, двоеверие, низкий уровень нравственности, в том числе в среде духовенства, проблема перехода в католическое исповедание и др. Исходя из свидетельства памятников канонического права, можно сделать вывод, что обеспокоенность Церкви вызывали по большей части проблемы, касающиеся практической (обрядовой) или нравственной сторон религиозной жизни. В то время как низкий уровень теоретического осмысления христианского вероучения не отразился в памятниках как проблема церковной жизни. В статье рассматриваются также используемые Церковью средства решения возникавших трудностей. Библиогр. 20 назв.

Ключевые слова: Древняя Русь, христианство, христианизация, каноническое право, религиозная жизнь, двоеверие.

S. G. Savitskiy

THE PROBLEMS OF THE RELIGIOUS LIFE OF KIEVAN RUS: TESTIMONY OF THE MONUMENTS OF CANON LAW

In the article the author highlights the religious life challenges of the Russian Middle Ages on the basis of the analysis of Canon law monuments of Ancient Rus. It is shown that in the period of Christianization (the transitive period of religious development) of Ancient Rus there is unity of the problems facing the Church hierarchy. The Church sought to transform the moral level of the people by new high Evangelical principles. Paganism, which for centuries after the official Christianization of Rus remained a significant component of popular religiosity, can be considered the main problem. The canonical documents reflect such issues as simony, dual faith, low level of morality, including among the clergy, the problem of transition to the Catholic confession, and others. By the testimony of the monuments of Canon law we can conclude that the problems relating to the practical (ritual), or the moral aspect of religious life cause concern of the Church. At the same time, the low level of theoretical understanding of the Christian faith was not reflected in the monuments of canonical law as a problem of church life. We also explore the means by which the Church solved emerging problems. Refs 20.

Keywords: Ancient Rus, Christianity, Christianization, Canon law, religious life, dual faith.

Становление христианства как культуuroобразующей силы в Древней Руси было отмечено разного рода трудностями и проблемами, естественными в том случае, когда происходит переориентация мировоззрения целого народа.

Ничто так не помогает понять национально-культурную специфику этих процессов, как изучение политико-правовых проблем [1; 2]. Попытаемся на основании памятников канонического права Древней Руси до XIV в. (т. е. времени христиани-

---

Савицкий Станислав Георгиевич — соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; sgs.ru@mail.ru

Savitskiy Stanislav G. — post graduate student, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; sgs.ru@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

зации Руси) выявить проблемы религиозной жизни периода перехода от языческой Руси к христианской. Для русского Средневековья этап упрочения христианства как культурной и социальной доминанты был обозначен противостоянием церковного, «официального» христианства и политеизма, а также магических верований. Но существовали также и внутренние проблемы в самой церковной среде. Церковь стремилась регулировать повседневную жизнь, переустроить ее на новых началах. Такое регулирование осуществлялось разными путями: проповедью, привлечением светской власти для упрочения авторитета Церкви, каноническим регулированием.

Вскоре после Крещения Руси князем Владимиром церкви были переданы некоторые судебные полномочия. О факте частичного делегирования судебной власти христианским иерархам, равно как и о собственно судебных полномочиях, мы узнаем из таких источников (приравняемых к памятникам канонического права), как княжеские уставы Владимира и Ярослава. Церковь стремилась преобразовать нравственное состояние народа на новых, евангельских основаниях. «Христианство внесло в русское общество высокие нравственные принципы, вследствие чего многие поступки, законные или безразличные с языческой точки зрения, теперь становились греховными, следовательно недозволенными, например: многоженство, наложничество, умычка и пр. К князю и его судьям обращались с разрешением таких жалоб и вопросов, в решении которых гражданская власть была бессильна, так как предыдущая практика не знала таких случаев. Компетентным лицом был только митрополит, в руках которого был Номоканон и практика греческой церкви» [3, с. 106].

Сразу после крещения Руси искоренение пережитков дохристианского периода стало насущной проблемой и, как это следует из других памятников канонического права, оставалось таковой в период христианизации. Ко времени Стоглавого Собора 1551 г. дохристианские верования и обычаи уже не были так актуальны, однако «бессознательная память» о них была еще свежа (главы 41, 92, 93 постановлений Стоглава) [3, с. 108–109].

«Устав князя Владимира» предписывал Церкви судить тех, кто занимается чародейством (магией), в обширном списке памятника перечислены разновидности языческих практик: «ведовство, потвори, чяродеяние, волхвовование, зеленничество... или кто под овином молится, или в ржи, или под рощением, или у воды» [4, с. 245].

Самый ранний памятник канонического права Древней Руси, «Канонические ответы митрополита Иоанна Иакову черноризцу» (1080–1089), предписывает в 7-м правиле суровое наказание за чародейство и волхвование: «...яро казнити на возбранение злу, но не до смерти убивати, ни обрезать сих телесе, не бо приимает сего церковное наказание и учение» [5, с. 4].

Разграничение латинского (католического) и православного исповеданий стало актуальной задачей православной иерархии сразу после отделения Римской кафедры от других поместных христианских церквей в 1054 г. В «Канонических ответах митрополита Иоанна» мы видим обеспокоенность церковных властей в связи с возможными контактами с латинянами. «Иже дщерь благоверного князя даяти замуж во ину страну, идеже служат опресноки и скверноядению не отметаються, недостойно зело и неподобно правоверным се творити своим детям сочетанию» [5, с. 7]. В 4-м правиле говорится о недопустимости сообщения и служения с ла-

тиньянами, однако разделять с ними трапезу вполне возможно, «Христовы любви ради отнюдь не возбранно» [5, с. 3]. Митрополит Иоанн II написал также «Послание Папе Римскому Клименту III». «Послание» и «Канонические ответы» возникли в связи с усилившейся полемикой с западной церковью, «в них отразилось международное положение русской церкви» [6, с. 133]. Несмотря на в целом критическое отношение к латинянам, у Иоанна прослеживаются экуменические устремления, его отношение к католицизму амбивалентно.

В «Канонических ответах митрополита Иоанна» критикуются такие обычаи, как устройство пиров в монастырях, участие священников в мирских пирах (правила 16, 24), Иоанн осуждал «до упивания пьющих» иереев (правило 34). Предостережения Иоанна против пиров и пьянства стереотипны для древнерусской церковной литературы [7, с. 36]. Он констатирует также и нежелание простых людей сочетаться законным христианским браком. Среди знати было понимание необходимости венчания, простой же народ справлял свадьбы по старым обычаям: «...поимают жены своя с плясанием и гудением и плесканием» [5, с. 18]. Проблемы брака нашли отражение и в дальнейших памятниках канонического права периода христианизации.

Памятник канонического права «Вопрошание Кириково» («Вопросы Кирика Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского и других иерархических лиц») (цит. по: [8]) отражает особенности древнерусской религиозной жизни и проблемы, волновавшие новгородских духовников. В памятнике упоминается культ Рода и Рожаниц (вопрос 33), Илья вопрошает епископа об одном бытовавшем суеверии: «А се есть у жен, аще не возлюбят их мужи, то омывают тело свое водою, и тою водою дают мужем» (вопрос 14 Ильи). Тот же Илья сетует, что женщины носят больных детей к волхвам, а не к священникам (вопрос 18 Ильи), что констатирует двоеверный характер древнерусской религиозности (шестинедельное покаяние предписывалось и в том случае, если мать несла своего ребенка к «варяжскому», т. е. католическому, священнику — вопрос 16 Ильи). Надо сказать, что вопрос 18 Ильи — не единственное косвенное указание канонического документа на то, что женщины были носительницами языческих традиций. В уставе князя Ярослава: «Аще жена будеть чародеица, наузница, или волхва, или зелейница, муж, доличив, казнить ю, а не лишиться» [4, с. 269].

В «Вопрошании» прослеживается настороженное отношение к женщине, она понимается как источник соблазна: «... в вопросах Кирика о женщине сквозит ясная мысль о ее особенной нечистоте» [9, с. 209]. Представление о нечистоте женщины (пример тому — вопрос 16 Саввы), возможно, было вызвано именно тем, что языческие пережитки, по мнению некоторых исследователей, продолжали свое бытование благодаря женщине: «Язычество в повседневной жизни преимущественно держалось на женщине, которая прежде всего выступала хранительницей языческих традиций, обрядов, заговоров, применяя их в повседневной жизни. Именно она несла заболевших детей не к “попови” на молитву, а к “волхвам” [10, с. 8]. «Вопрошание» критикует и практику многоженства и конкубината (вопрос 69). Следует уточнить, что эти явления были характерны для некоторых «высших слоев господствующего класса» [11, с. 21] не только на Руси, но и в Западной Европе. Проблема христианизации семьи (установление как нормы моногамного брака, венчания, регламентация супружеских отношений, ужесточение процедуры расторжения

брака, исключение близкородственных браков¹) была актуальна для Церкви на протяжении длительного времени (подробнее см.: [13]).

«Вопрошание Кириково» можно охарактеризовать как памятник, ставящий во главу угла религиозной жизни категории закона, наказания, ритуальной чистоты, обряда. Однако, согласно «Вопрошанию», кроме епитимий священник должен использовать для насаждения христианской нравственности и слово проповеди, увещевания (вопрос 13 Ильи). Памятник отразил «переустройство нравов древнерусского общества в переходный от язычества к христианству период. В соответствии с новым мировоззрением менялась шкала ценностей, но оставалась инерция в сознании и привычках людей» [14, с. 119].

Важный для выяснения проблем религиозной жизни Древней Руси канонический документ — постановления Владимирского Собора 1274(73) г., первого Поместного Собора на Руси. Собор констатировал кризисный характер церковной жизни. Определения собора выражены в грамоте митрополита Кирилла. Митрополит говорит о множестве «нестроений» в церкви. Именно эти нестроения, по мнению иерарха, и явились причиной различных бедствий, таких как разрушение городов, нашествие «безбожных и нечистых поган» (монголо-татарское иго), падение князей, — «си вся бывают нам, зане не храним правил святых отец наших и преподобных Отец» [15, с. 86]. Собор пытался разрешить внутренние проблемы Церкви, хотя, согласно современным исследованиям, причиной созыва Собора послужили вовсе не проблемы религиозной жизни, но политическое противостояние Новгороду [16, с. 231–232]. Критике подвергалась и симония. Митрополит напоминает правила Церкви, согласно которым «поставленный на мзде да извержется, и поставливый его» [15, с. 87]. Отношение к симонии все же не было радикально отрицательным, оставалась традиционно укоренившаяся мзда в 7 гривен клирошанам при поставлении в священный сан: «Не взимати же у них ничтоже, разве якоже аз уставих в митрополии, да будет се во всех епископах: да возмут клирошане 7 гривен от поповства и от диаконства» [15, с. 92]. Тема симонии является основной в этом памятнике, поскольку все остальные правила касаются второстепенных вопросов, не требовавших соборного обсуждения [17, с. 176], таких как вопрос подготовки достойных пастырей. Церковь стремилась не только разрешать возникающие в церковной жизни проблемы, но и превентивно их предупреждать. Митрополит Кирилл в своей грамоте выступает и против «языческих» обычаев. Правила 3, 7, 8 посвящены обличению таких практик, как «языческие зрелища» в церковные праздники, обычай водить невест к воде (новгородский обычай), пляски и игры.

Владимирский Собор порицает также «упивание без меры»; обычай пьянства среди служителей церкви, согласно косвенному указанию 5-го правила Владимирского Собора, был закоренелым недугом: «Мы же заповедаем преподобным епископам: аще не покаются, повелеваем всех извержи. Лучше бо един достойный служа, неже тысяча беззаконных» [15, с. 98]. Не обходит вниманием пороки священнослужителей и документ под названием «Епископское поучение собору духовенства». Вопрос об авторстве данного канонического памятника до сих пор открыт, его составителем, по мнению митрополита Макария, мог быть митрополит Кирилл II. В любом случае, это памятник XIII века, который достоверно отражает проблематику религиоз-

¹ Исключению близкородственных браков посвящен документ «Расписание степеней родства и свойства, препятствующих браку» [12].

ной жизни Древней Руси. Автор наставляет священников: «Простец бо согрешив, за свою душу едину ответ Богу даст, иерей же согрешив, соблазнит многи, и за тех души осужден будет от Бога» [18, с. 113]. Поэтому священнику, увещевает епископ, следует блюстись грехов, и первым среди перечисляемых пороков он называет пьянство.

Рассмотрев основные памятники канонического права Древней Руси периода христианизации, мы можем выявить единство проблем религиозной жизни на протяжении этого транзитивного (лат. *transitus* — переход, переход из одного состояния в другое) периода в религиозном развитии, а также единство мер по решению этих проблем.

Канонические наказания (епитимии, отлучения от причастия и др.) были относительно мягкими, русская церковь часто шла путем икономии, и в этом есть своя логика: иерархи могли «слишком крутыми мерами отпугнуть население Руси, среди которого еще сильны были пережитки языческих верований, от христианства» [6, с. 141].

Современный исследователь справедливо замечает: «...в социальную базу синкретической культуры в Древней Руси входил и ряд священно- и церковнослужителей, как правило, сельских, связанных с родной общиной и ее чаяниями и традициями. В их деятельности отразилось дальнейшее соединение самых различных верований, связанных как с христианством, так и с язычеством» [19, с. 15]. Завершение синкретической модели религиозной жизни Древней Руси, то есть переходного периода в религиозном развитии народа, постоянно оттягивалось в связи с вовлечением сельского священства в народную религиозную жизнь, в основе своей содержащую обрядовое, магическое представление о сущности веры. Священник был заложником общины, для которой он мог быть, по крайней мере, функциональной заменой волхва, но никак не проповедником новых религиозных норм и ценностей, блюстителем новой христианской морали или обличителем народных пороков.

Исходя из материала памятников канонического права Древней Руси можно также сделать вывод, что низкий уровень теоретического осмысления христианства, т. е. отсутствие элементарных познаний даже в области основ христианского вероучения, не воспринимался как проблема. Об этом пишет Ив Левин: «...средневековое христианство мирян делало упор больше на общинном обряде, чем на индивидуальной вере. <...> Судя по назначавшимся епитимиям, содержание веры отдельного человека — по крайней мере до реформ XVII в. — не имело большого значения; священники на исповеди даже не спрашивали об этом. Ереси становились угрозой не потому, что они несли в себе «ложные» представления о Боге, но потому, что они нарушали структуры общества и бросали вызов светским и церковным властям» [20, с. 32–33]. Христианство понималось не как доктрина, но как практика церковной жизни. Усилия Церкви были направлены по большей части на искоренение языческих обрядов и на переустройство общества на новых нравственных началах.

Литература

1. Осипов И. Д. Власть и вера в философии русского и западноевропейского либерализма // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 17. 2015. № 4. С. 61–68.
2. Чумакова Т. В. Закон, правда, милость и благодать в древнерусской культуре // Религиоведение. 2010. № 4. С. 26–35.
3. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1916. Т. 1. 376 с.

4. Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. М.: Государственное издательство юридической литературы. 1952. 285 с.
5. Канонические ответы митрополита Иоанна II // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880. С. 1–20.
6. Лихоя Р. Г. Византийский монах — русский митрополит Иоанн II как канонист и дипломат // Античная древность и средние века. 1975. Вып. 11. С. 133–144.
7. Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб.: Византиноведение, 1996. 572 с.
8. Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880. С. 21–62.
9. Смирнов С. Кирик и Кирика Вопрошание // Богословская энциклопедия, составленная под редакцией Н. Н. Глубоковского. СПб., 1909. Т. X. С. 204–212.
10. Фомина Т. Ю. Особенности взаимоотношения православных клириков и их паствы в Великом Новгороде X–XII вв. // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. 2009. Вып II, № 4 (33). С. 7–13.
11. Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр пресс». 2006. 272 с.
12. Расписание степеней родства и свойства, препятствующих браку // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880. С. 143–144.
13. Омелянчук С. В. Пережитки язычества в древнерусской семье // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. Вып. 42. С. 178–186.
14. Мильков В. В. Кирик Новгородец: грани творчества // Философский журнал. 2011. №2 (7). С. 91–123.
15. Определения Владимирского Собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880. С. 84–102.
16. Гайденко П. И. Собор 1274(3) года в свете церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митрополита Кирилла // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15, вып. 4. С. 229–239.
17. Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев: Типография И. И. Чоколова, 1913. 582 с.
18. Епископское поучение собору епархиального духовенства // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880. С. 111–116.
19. Лушинков А. А. Правила Владимирского Собора 1274 г. о православном духовенстве и язычестве на Руси во второй половине XIII в. // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2014. № 9. С. 11–17.
20. Левин Ив. Двоеверие и народная религия в истории России. М.: Индрик, 2004. 216 с.

Для цитирования: Савицкий С. Г. Проблемы религиозной жизни Киевской Руси: свидетельства памятников канонического права // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 2. С. 111–117. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.211

References

1. Osipov I. D. Vlast' i vera v filosofii russkogo i zapadnoevropeiskogo liberalizma [Power and belief in the philosophy of Russian and Western European liberalism]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Ser. 17*, 2015, no. 4, pp. 61–68. (In Russian)
2. Chumakova T. V. Zakon, pravda, milost' i blagodat' v drevnerusskoi kul'ture [Law, truth, mercy and grace in ancient Russian culture]. *Religiovedenie [Religious studies]*, 2010, no. 4, pp. 26–35. (In Russian)
3. Gaikovskii N. M. Bor'ba khristianstva s ostatkami iazychestva v Drevnei Rusi. T. 1 [Christianity's struggle against the remnants of paganism in Ancient Russia. Vol. 1]. Kharkov, 1916. 376 p. (in Russian)
4. *Pamiatniki russkogo prava. Vyp. 1: Pamiatniki prava Kievskogo gosudarstva. X–XII vv. [Monuments of Russian law. Vol. 1. Law monuments of the Kievan state. X–XII century]*. Moscow, State publishing house of legal literature, 1952. 285 p. (In Russian)
5. Kanonicheskie otvety mitropolita Ioanna II [The canonical answers of the Metropolitan John II]. *Russkaia istoricheskaia biblioteka. T. 6: Pamiatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava [Russian historical library. Vol. 6. The monuments of ancient Russian canonical law]*. St. Petersburg, 1880, pp. 1–20. (In Russian)

6. Pikhov R. G. Vizantiiskii monakh — russkii mitropolit Ioann II kak kanonist i diplomat [Byzantine monk — Russian Metropolitan John II as a canonist and diplomat]. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 1975, vol. 11, pp. 133–144. (In Russian)
7. Podskalski G. *Khristianstvo i bogoslovskaiia literatura v Kievskoi Rusi (988–1237 gg.)* [Christian and theological literature in Kievan Rus' (988–1237)]. St. Petersburg, Vizantinorossika Publ., 1996. 572 p. (In Russian)
8. Voprosy Kirika, Savvy i Il'i, s otvetami Nifonta, episkopa novgorodskogo, i drugih ierarkhicheskikh lits [The questions of Kirik, Savva and Ilya, with answers of Niphont, Bishop of Novgorod, and other hierarchical persons]. *Russkaia istoricheskaia biblioteka. T. 6: Pamiatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava* [Russian historical library. Vol. 6. The monuments of ancient Russian canonical law]. St. Petersburg, 1880, pp. 21–62. (In Russian)
9. Smirnov S. Kirik i Kirika Voproskanie [Kirik and Kirik's Asking]. *Bogoslovskaiia entsiklopediia, sostavlennaia pod redaktsiei N. N. Glubokovskogo. T. X* [Theological Encyclopaedia, compiled under the editorship of N. N. Glubokovskiy. Vol. X]. St. Petersburg, 1909, pp. 204–212. (In Russian)
10. Fomina T. Iu. Osobennosti vzaimootnosheniia pravoslavnykh klirikov i ikh pastvy v Velikom Novgorode X–XII vv. [Peculiarities of the relationship between Orthodox clergy and their congregations in Veliky Novgorod X–XII centuries]. *Vestn. Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo un-ta* [Herald of Orthodox St. Tikhon Humanitarian University], 2009, vol. II, no. 4 (33), pp. 7–13. (In Russian)
11. Nizhnik N. S. *Pravovoe regulirovanie semeino-brachnykh otnoshenii v russkoi istorii* [Legal regulation of family relations in Russian history]. St. Petersburg, R. Aslanov «Iuridicheskii tsentr press» Publ., 2006. 272 p. (In Russian)
12. Raspisanie stepenei rodstva i svoistva, prepriatstvuiushchikh braku [Schedule of degrees of relationship and affinity, preventing marriage]. *Russkaia istoricheskaia biblioteka. T. 6: Pamiatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava* [Russian historical library. Vol. 6. The monuments of ancient Russian canonical law]. St. Petersburg, 1880, pp. 143–144. (In Russian)
13. Ome'ianchuk S. V. Perekhiti izyachestva v drevnerusskoi seme [Remnants of paganism in ancient Russian family]. *Sborniki konferentsii NITs Sotsiosfera* [Proceedings of conferences of SIC Sociosphere], 2011, issue 42, pp. 178–186. (In Russian)
14. Mil'kov V. V. Kirik Novgorodets: grani tvorchestva [Kirik of Novgorod: aspects of works]. *Filosofskii zhurnal* [Philosophical Magazine], 2011, no. 2 (7), pp. 91–123. (In Russian)
15. Opredeleniia Vladimirskogo Sobora, izlozhennye v gramote mitropolita Kirilla II [Decisions of Vladimir Council set out in the letter of Metropolitan Kirill II]. *Russkaia istoricheskaia biblioteka. T. 6: Pamiatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava* [Russian Historical Library. Vol. 6. Monuments of ancient Russian canonical law]. St. Petersburg, 1880, pp. 84–102. (In Russian)
16. Gaidenko P. I. Sobor 1274(3) goda v svete tserkovno-politicheskoi situatsii na Rusi: neskol'ko zamechanii o nesostoiavsheisya kanonicheskoi reforme mitropolita Kirilla [Council of 1274(3) year in light of the Church-political situation in Russia: some remarks about failed canonical reform of metropolitan Kirill]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [The Herald of the Russian Christian humanitarian Academy], 2014, vol. 15, issue 4, pp. 229–239. (In Russian)
17. Sokolov P. P. *Russkii arkhierei iz Vizantii i pravo ego naznacheniiia do nachala XV v.* [Russian Bishop from Byzantium and the right of his appointment until the beginning of the XV century]. Kiev, Tipografiya I. I. Chokolova, 1913. 582 p. (In Russian)
18. Episkopskoe pouchenie soboru eparkhial'nogo dukhovenstva [The Episcopal teaching to diocesan clergy]. *Russkaia istoricheskaia biblioteka. T. 6: Pamiatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava* [Russian Historical Library. Vol. 6. Monuments of ancient Russian canonical law]. St. Petersburg, 1880, pp. 111–116. (In Russian)
19. Lushnikov A. A. Pravila Vladimirskogo Sobora 1274 g. o pravoslavnom dukhovenstve i izyachestve na Rusi vo vtoroi polovine XIII v. [The Rules of the Vladimir Council of 1274 year about Orthodox clergy and paganism in Russia in the second half of the XIII century]. *Novoe slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobatsiia rezul'tatov issledovaniia* [The new word in science and practice: hypotheses and the testing of the research results], 2014, no. 9, pp. 11–17. (In Russian)
20. Levin Iv. *Dvoeverie i narodnaia religiia v istorii Rossii* [Dual faith and popular religion in Russia's history]. Moscow, Indrik Publ., 2004. 216 p. (In Russian)

For citation: Savitskiy S. G. The problems of the religious life of Kievan Rus: testimony of the monuments of canon law. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Ser. 17. Philosophy. Conflict Studies. Culture Studies. Religious Studies*, 2016, issue 2, pp. 111–117. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.211

Статья поступила в редакцию 3 декабря 2015 г.